

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М62

Bernard Minier

SOEURS

XO Editions, 2018. All rights reserved.
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Оформление серии и переплета *А. Саукова*
The reference of the photographer is Ebru Sidar

Миньер, Бернар.

М62 Сестры / Бернар Миньер ; [перевод с французского
О. Егоровой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-106144-9

Май 1993-го. Две сестры, Алиса, 20 лет, и Амбер, 21 год, найдены мертвыми на берегу Гаронны. Одетые в платья для первого причастия, они сидели лицами друг к другу, привязанные к двум деревьям.

Молодой Мартен Сервас, который только что начал службу в полиции Тулузы, проводит свой первый допрос. Очень быстро его внимание приковывает Эрика Ланг, знаменитый автор жестоких и пугающих триллеров. Разве сестры не были его фанатами? Разве не называется один из его самых успешных романов «Первопричастница»? Но внезапно дело принимает совсем иной оборот...

Февраль 2018-го. Холодной ночью писатель Эрик Ланг обнаруживает свою жену убитой... и тоже одетой в платье первопричастницы. Спустя 25 лет Мартен Сервас возобновляет расследование. Но еще не знает, что прошлое, ставшее настоящим, превратится для него в кошмар. Кошмар, написанный черными чернилами...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-106144-9

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Прелюдия

Перед ними простирался огромный, необъятный лес. Половина одиннадцатого... Стоял теплый июньский вечер, который никак не желал превращаться в ночь. А ночной сумрак уже наступал, но все не мог наступить. Все больше и больше темнело, но света было еще достаточно, чтобы сквозь полумрак различить, словно на выцветших обоях, тонкую мозаику листьев, призрачные, похожие на рассыпанный попкорн, белые пятнышки цветов в траве. Бледные руки и светлые платья девушек тоже таяли в темноте, колеблясь, как у призраков. Зато под деревьями была такая темнота, что уже ничего не разглядишь. Они переглянулись и улыбнулись друг другу, но их жадные до всего, пыльные юные сердца бились очень сильно, слишком сильно. Они шли между стволами дубов и каштанов, по покатоному склону спускаясь сквозь папоротники к дороге. Держась за руки. Здесь, между деревьями, воздух был недвижим: ни ветерка, ни дуновения. Лес казался мертвым. Где-то далеко, возле самой опушки, у фермера во дворе залаяла собака, потом по дороге промчался мотоциклист, притормозив перед поворотом, а потом снова нажал на газ. Одной из девушек было пятнадцать лет, другой шестнадцать, но все принимали их за близнецов. Одинаковые длинные волосы цвета мокрой соломы, одинаковые продолговатые личики с огромными глазами на все лицо и одинаковые фигуры, вытянутые, как идущая в семя трава... Несомненно, обе были хоро-

шенькие, даже красивые — на свой странный манер. Да-да, странный. Что-то было такое в их взглядах, в их голосах, что вызывало неловкость. Летучая мышь слегка задела волосы той, которую звали Алиса, и девушка сдавленно вскрикнула.

— Тише! — цыкнула на нее Амбра, старшая из сестер.

— Я ничего не сказала.

— Ты вскрикнула.

— Ничего я не вскрикивала!

— Нет, вскрикнула! Ты что, испугалась?

— Нет!

— Врешь... Ясное дело, испугалась, сестренка.

— Я же говорю: нет! — запротестовала младшая, изо всех сил стараясь придать твердость своему совсем еще детскому голосу. — Я просто удивилась.

— Ладно, могла и испугаться. Лес — вообще штука опасная, все леса такие.

— Ну, и что мы тут будем делать? — недовольным голосом спросила Алиса, оглядевшись вокруг.

— Ты разве не хочешь его увидеть?

— Конечно, хочу. А ты уверена, что он придет?

— Он обещал, — с очень серьезным видом сказала Амбра.

— Мужчины часто обещают, а потом забывают выполнить.

Амбра коротко хохотнула.

— Что ты знаешь о мужчинах, в твоём-то возрасте?

— Достаточно.

— Вот как?

— Я знаю, что отец спит со своей ассистенткой.

— Это я тебе сказала!

— Знаю, что Тома мастурбирует.

— Тома — не мужчина, а мальчишка.

— Ему уже восемнадцать!

— И что с того?

Так шли они в лесной тишине, предаваясь той словесной игре, той пикировке, которую любили затевать с дет-

ства, сколько себя помнили. Днем было бы легче уловить различия в их облике. Крутой лоб и упрямое выражение лица Алисы выдавали, что она пока еще суший ребенок. А вот Амбра, с ее уже оформившимся и расцветшим женским телом, с ее тонкими и более четкими, чем у сестры, чертами лица, уже заставляла оборачиваться прохожих на улице.

— И почему это он должен прийти? — спросила младшая. — Ведь мы для него — всего лишь две дурынды.

— Ошибаешься, — отвечала старшая, явно задетая за живое.

Они как раз огибали старый дуб, лежащий в кустах жимолости. Его корни, выпачканные в земле, как пальцы, поднимались к звездам. Мощное дерево не устояло под натиском кого-то более слабого — неважно, ветра или паразита. Вот и всегда так: слабые одерживают верх над сильными.

— Мы для него — нечто совсем другое, — заявила Амбра.

Ей очень хотелось добавить: «Во всяком случае, я, ведь ты еще маленькая», — но она сдержалась.

— Вот как? А кто же, интересно, мы для него? — спросила Алиса зазвеневшим от любопытства голосом.

— Две молодые девушки, очень умные, умнее всех, что ему до сих пор встречались.

— И это всё?

— Да нет же!

— И кто же мы еще для него?

Амбра остановилась, повернулась к сестре, и ее глаза с расширившимися зрачками потемнели и блеснули.

— Посмотри на меня, младшенькая.

Алиса в упор уставилась на нее.

— Ну, смотрю, — сказала она. — И прекрати называть меня младшенькой, у нас всего год разница.

— Ну, и что ты видишь?

— Девчонку шестнадцати лет в старомодном белом платье, — хихикнула Алиса.

— Погляди на меня, тебе сказали.

— Я смотрю.

— И ничего не видишь!

Амбра расстегнула пуговицу на платье.

— Сиськи вижу, — ответила Алиса уже медленнее.

— Так.

— Женское тело...

— Так.

— Девчонка — просто отпад...

— Так. А еще что?

— Не знаю...

— А ты подумай!

— Не знаю!

— Кто мы для него такие? — подсказала Амбра, помахав книгой, которую держала в левой руке.

— Его фанатки, — сразу ответила Алиса задрожавшим от волнения голосом.

— Вот именно, *фанатки*. А он обожает фанаток. Особенно тех, у кого грудки и киски.

Они пошли дальше, и под ногами у них трещали сухие ветки.

— А может, мы для него слишком маленькие? — забеспокоилась Алиса. — Ему ведь не меньше тридцатника.

— В этом-то и фишка.

Они пробрались сквозь кустарник, и среди листьев перед ними замаячила вышка, стоящая посреди поляны. Луна освещала круглую черепицу и светлый камень, что делало ее похожей на сторожевую башню.

— Две очень хорошенькие девушки. Одни, ночью, с ним... Они его обожают, боготворят... Вот чего он хочет. И для этого он придет.

— И он считает себя сильным красавцем, умным и холодным, — в тон сестре продолжила Алиса.

Амбра отодвинула последнюю ветку, и перед ними появилась вышка.

— Да. Только мы гораздо умнее его, правда, младшенькая?

* * *

Он наблюдал за девушками, спрятавшись в кустах. Они топтались на месте и явно нервничали, потом принялись спорить. Видимо, уже были готовы отступить от задуманного и уйти. Он провел кончиком языка по губам, потом по дырке в зубе, который разболелся ночью, когда он лежал в постели, и поморщился. Карлес... Но вид двух девчонок в платицах для первого причастия вызвал у него улыбку. Отогнав круживших над головой ночных бабочек, он выпрямился.

* * *

— Амбра, давай уйдем. Он не придет. Мы с тобой одни... в этом лесу.

Услышав собственный голос, произнесший вслух эту фразу, Алиса забеспокоилась. Уж лучше было не озвучивать то, о чем они говорили, даже не думать об этом.

— Ты просто боишься, — сказала Амбра.

— Да, боюсь. И что?

Ей очень хотелось сказать сестре то главное, что ее волновало: а вдруг кто-нибудь другой прячется в лесу? А он просто позабыл прийти? А вдруг по лесу рыщут дикие звери? Она хорошо знала, что крупнее оленей, лис и косуль в этом лесу зверей не водилось. А в листве могли прятаться ястреб, дятел, марабу или филин. Последний, кстати, ухал где-то совсем близко: может, сидел в засаде на вышке и выводил свое важное и торжественное «у-гу!», как лесной нотариус. Ему тремя криками вторила обыкновенная лесная сова, словно высмеивая его полный достоинства голос.

Лес пестрел настоящей мозаикой ручейков и маленьких озер, и в теплой июньской темноте во все горло надрывались квакши и древесные лягушки.

— Ты что, всерьез веришь, что он придет? — спросила Алиса.

— Он придет.

В голосе старшей появились нотки нетерпения и сомнения, и от младшей это не укрылось.

— Еще пять минут — и я уйду, — заявила она.

— Как хочешь.

— И ты останешься здесь совсем одна.

На это ответа не последовало.

Вдруг по листве в ближайшем кустарнике пробежала дрожь, словно ветер прошел, хотя никакого ветра не было. Девушки вздрогнули и повернулись в ту сторону.

Из чащи вынырнул чей-то силуэт. Он с шуршанием отвел ветки кустарника и медленно направился к девушкам. На нем был белый льняной костюм, сшитый явно не для лазания по кустам.

— Ты что, шпионил за нами? — бросила Амбра.

— Я за вами наблюдал... Вы пришли... И это хорошо.

Он внимательно разглядывал их, переводя глаза с одной на другую.

— Это не совсем платье для первого причастия, — с улыбкой заметил он.

— Мы нашли те, что больше всего на них похожи, — отвечала Алиса.

— Вы великолепны, — оценил он. — Я очень тронут и тем, что вы пришли... и таким вниманием...

С этими словами он взял каждую из них за руку.

— Мы твои самые большие фанатки, — простодушно сказала Амбра, показав книгу и сжав ему руку своей горячей ладонью.

— Твои самые большие фанатки, — эхом отозвалась Алиса, стиснув ему другую руку.

Девушки говорили искренне. С двенадцати лет они увлеклись его романами для взрослых, с невыносимыми сценами насилия, которые повергали в шок и вызывали отвращение, с убийствами и пытками. Особенно им нравилось, что виновным у него часто удавалось выпутаться, а жертвы оказывались не такими уж и невинными. Прежде всего, в этих романах царила атмосфера упадочничества, все персонажи действовали из нездоровых побуждений, с до-

статочно грязной мотивацией, а их извращения отличались редкой изобретательностью. Ну и, как и следовало ожидать, секса там было хоть отбавляй.

— Я знаю, — сказал он.

Судя по виду, писатель растрогался, глаза под длинными черными ресницами увлажнились. Лицо его нельзя было назвать красивым, но в правильных и гармоничных чертах угадывалась алчность, которая наверняка могла кому-то показаться соблазнительной.

Вдруг поднялся ветер, и верхушки высоких деревьев зашумели. Он заметил, как обе девушки вздрогнули, и его улыбка стала еще шире.

— «Эти юные особы боятся теней лесных», — продекларировал он.

Это была цитата из фильма Ингмара Бергмана «Девичий источник». Он покачал головой, сделал вид, что с тревогой оглядывается вокруг, и нахмурился.

— Место здесь такое тихое, такое безлюдное...

— А чего нам бояться? — возразила Амбра. — Мы же с тобой.

— Правильно.

— А ты с нами, — продолжала она. — Что же ты делаешь в лесу с двумя шестнадцатилетними девчонками?

— Пятнадцатилетними, — уточнила Алиса, и ее слова прозвучали как обвинение.

— В этом нет ничего плохого, правда? — с иронией заметил он.

И внимательно всмотрелся в обеих, сначала в одну, потом в другую, явно спрашивая себя, где же ловушка. Потом оглянулся.

— С вами пришел еще кто-нибудь?

— Никто.

— Вы в этом уверены?

Амбра по-приятельски ему улыбнулась.

— Ты погляди-ка на себя, — вдруг язвительно произнесла она. — Человек, который пишет в своих книгах о самых

жестоких приключениях, знаменитый автор кровавых сцен испугался двух девчонок.

— Ни капельки я не испугался, — очень мило возмутился он.

— Но забеспокоился.

— Не забеспокоился, а проявил благоразумие.

— Можно, конечно, все списать на эмоции, но эмоции-то остаются. Как же тебе удастся писать такие жуткие и завораживающие книги? — сказала старшая, пристально глядя ему прямо в глаза. — Полные волшебного яда страницы? Ведь на вид ты... такой *нормальный*.

Теперь голос ее изменился и потемнел под стать лесу. Все лесные жители, казалось, почувствовали напряженность момента, и потому совы, орланы и филины вдруг затеяли переключку с дерева на дерево, а в роще прокричал олень. Разве что косуль не было слышно: наверное, они ничего в этом не понимали. Весь лес зашевелился, словно проснувшись, и зверье лесное начало готовиться к ночной симфонии, как инструменты оркестра настраиваются перед концертом.

— А у тебя никогда не возникало желания осуществить свои идеи на практике?

— То есть?

— Ну, все эти убийства, пытки, насилия...

Он удивленно уставился на нее.

— Значит, все это вранье, выдумка?

Он внимательно следил за эмоциями девушки, но особого волнения в ней не почувствовал.

— Значит, ты никогда не думал о том, какое действие оказывают на нас твои книги?

Он разглядывал Амбру, а она подходила все ближе и ближе.

— Мы самые большие твои фанатки, не забывай об этом, — прошептала девушка, и он почувствовал ее жаркое дыхание у себя в самом ухе. — Ты можешь просить нас *о чем угодно*.

От ее голоса и дыхания у него волосы на затылке встали дыбом. Амбра отстранилась и с удовлетворением заметила, что глаза его потемнели и в них зажегся тот мрачный огонек, который она уже много раз замечала в других глазах. Ей нравилось вызывать к жизни этот огонек. Он возбуждал и волновал ее. Как же все-таки легко манипулировать мужчинами, это даже разочаровывает... И для этого вовсе не нужно быть красивой или умной. Достаточно просто-напросто дать им то, чего они добиваются, но не сразу.

И не слишком часто.

— Ну, так что же?

Даже в темноте она увидела, как вспыхнуло его лицо. Он пристально, в упор посмотрел на обеих, и его глаза сверкнули вожделием и жестокостью.

— А вы, оказывается, классные девчонки, — сказал он.

Часть I

1993

Глава 1,

в которой найдены две девушки в платьях
первопричастниц

Он любил эти минуты. Любил трижды в неделю, и зимой, и летом, нестись по воде, мчаться со скоростью ветра вдоль островов на Гаронне. Мимо Гран-Рамье, мимо маленького островка Мулен, мимо острова Ампало. В лучах рассветного солнца. Когда город еще только-только просыпается. Было всего полседьмого утра, а термометр показывал уже пятнадцать градусов.

В шортах цвета морской волны, в белой тенниске, согнув ноги, напрягши руки и выпятив грудь, он толкал по воде свой узкий челнок: спиной к носу, зад крепко, словно привинченный, сидит на подвижной скамейке, которую все без всякой насмешки называют «кулисой». Его завораживало движение воды под веслами. И тело двигалось в четком ритме, согласно четырем фазам гребли: придать челну движение, то есть оттолкнуться ногами и напрячь руки в гребке; потом вытащить весла из воды и отправить их за спину, медленно и аккуратно сгибая ноги, чтобы не нарушить плавность скольжения, и снова погрузить весла в воду. Дело было в непрерывном скольжении, и все подчинялось тому, чтобы его добиться: тонкий расчет силы, мощность толчка, время расслабления. Этот вид спорта давал нагрузку всем мышцам: спины и живота, рук и ног, бедер и ягодиц... И еще развивал умение сосредоточиться.

Он плыл мимо острова Гран-Рамье, где располагался стадион и прятался среди деревьев университетский городок на сваях. По водному простору наш спортсмен скользил в одиночестве, поскольку терпеть не мог грести в команде. Метрах в ста слева, за бетонной дамбой, возвышались прямоугольники жилых домов. Справа берег зарос буйной зеленью и изобиловал ручьями, напоминая тем самым Луизиану. Узкий, длинный челнок скользил по направлению к высокой зеленой трубе химического завода азотных удобрений, которую прибрежные жители называли «Зеленой Башней» и которая выплевывала в бледную голубизну неба дым с примесью нитратов аммония. Спортсмен был химиком. Он знал, что башня грануляции азотных удобрений должна быть снабжена системой очистки, как и все подобные предприятия, но эту не снабдили. Ассоциация Друзей Земли неоднократно заявляла о «бомбе замедленного действия», которую представляет собой химическое предприятие, расположенное в самом сердце Тулузы. Он был химиком и знал, о чем идет речь. Завод не только стоял слишком близко к жилым кварталам, во время Первой мировой войны там производили огромное количество пороха и взрывчатки. После войны спрос на взрывчатку резко упал, и пороховое производство, вместе с запасами нитроцеллюлозы, оказалось в руках того, кто затопил его в ближайших озерах между Содрюной и Гаронной. Согласно последним сведениям, эти запасы и ныне там, под водой. Тем временем, спустя восемьдесят лет, кое-кто ими заинтересовался. *Этого пороха хватит, чтобы взорвать весь департамент.* На сегодняшний день вопрос о нейтрализации запасов пока никто не рассматривал. Интересно, насколько возросла численность населения за эти восемьдесят лет?

Не доехав до прибрежной зоны завода, он свернул направо, в узкий рукав реки. Зелень по берегам стояла плотной стеной, и создавалось впечатление, что лодка вошла в старицу. Его всякий раз поражали тишина и умиротворение, царившие в этих местах. Какое-то почти религиоз-